ясно, что разъ въ мое 22-хъ лѣтнее отсутствіе съ поля активной борьбы никакихъ основныхъ, перемѣнъ въ жизни государства не произошло, то не могли произойти и крупныя перемѣны въ сферѣ народной психологіи и міровоззрѣнія. А разъ всѣ нужды остались тѣ же, трудовой человѣкъ въ деревнѣ тотъ же, и всѣ тормазы стоятъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, то и цѣли и средства неизбѣжно будутъ тѣ же самыя, развѣ только въ болѣе благопріятной для нашей работы комбинаціи. — Наличность самодержавія попрежнему опредѣляла неизбѣжность террора; наличность восьмидесяти милліоновъ крестьянскаго населенія, оставленнаго безъ земли, съ одной ея тьмью, и безъ гражданскихъ правъ, попрежнему опредѣляла неизбѣжность обращенія пропаганды и организаторской работы къ русскому мужику, который и не думалъ отказываться ни отъ своихъ правъ на землю, ни отъ своего общиннаго міросозерцанія, такъ широко открывающаго свои объятія социалистическому ученію. А потому, слушая опроверженія, и даже взрывы негодованія на мою «устарѣлую» постановку вопроса о соціально-революціонной работѣ въ Россіи, мнѣ больно было видѣть со стороны молодежи полное незнакомство съ дѣйствительной жизнью ихъ страны; мнѣ тяжело было думать о томъ, что невольное ея невѣжество отодвинетъ на нѣсколько лѣтъ необходимую работу; но въ то же время я до того была увѣрена въ неизбѣжности участія крестьянъ въ общемъ движеніи, и въ неизбѣжности вступленія революціонныхъ партій на путь террора, — что ни минуты сомнѣнія, ни минуты колебанія не было во мнѣ, когда я 11-го сентября 1896 года сѣла въ вагонъ третьяго класса Уральской желѣзной дороги, и приближалась къ границѣ Европейской России. Да, ни минуты сомнѣнія, ни минуты колебанія».

Вернувшись изъ Сибири, Брешко-Брешковская занялась прежде всего подсчетомъ наличныхъ силъ, «сокрытыхъ во всѣхъ слояхъ народа русскаго», а затѣмъ «изслѣдованіемъ соотношенія этихъ силъ и значенія каждой изъ нихъ въ общемъ ходѣ вещей», и такъ излагаетъ свои по этому поводу выводы: «Отказаться отъ политической борьбы мы и думать не могли, а это значило, что необходимо сплотить на этой мысли всѣ доступныя намъ интеллигентныя силы Россіи. Бросить работу среди фабричнаго населенія, работу, начатую еще нашими старыми товарищами и въ обѣихъ столицахъ и въ разныхъ пунктахъ провинціи, да еще теперь, когда число заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ удвоилось противъ прежняго, — никому и въ голову не приходило. Отвернуться отъ крестьянъ и махнуть на нихъ рукой, какъ на безнадежный элементъ, мы не могли не только потому, что считали русское крестьянство способнымъ раздѣлить ученіе наше и идти вмѣстѣ съ нами, но и потому, что лишенное связей съ нами крестьянство невольно подпало бы подъ вліяніе правительственныхъ силъ, духовенства, демагогической прессы, организаторовъ погромовъ и т. д. Оставлять у себя въ тылу восьмидесяти милліонную «Вандею», какъ звали мужика тогда наши противники, было бы равносильно полной безплодности работы и въ промышленныхъ пунктахъ. И такъ мы признали съ первыхъ же дней возвращенія на родину необходимость соціально-революціонной работы и въ городѣ и въ деревнѣ. Затѣмъ мы поставили вопросъ: кто же будетъ работать и здѣсь и тамъ. Кто понесетъ къ рабочимъ и книжки, и рѣчи, и прокламаціи, и лекціи и, наконецъ, организаціонныя начала. Не надо было долго ломать головы, чтобы увидѣть, что интеллигенція должна снова отправиться говорить и учить по угламъ и закоулкамъ, кто въ грязныя городскія мастерскія, кто въ черныя избы деревень».

Установивъ такимъ образомъ задачи и цѣли революціонной дѣятельности и способы и средства проведенія ея въ жизнь, Брешко-Брешковская дѣятельно приступаетъ къ пропагандѣ и организаціи крестьянъ. Объѣзжая губернію за губерніей, она «знакомится со всѣми слоями общества, какъ городского, такъ и деревенскаго», и «первое время съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на знакомствѣ съ молодежью, какъ тѣмъ звеномъ, которое непосредственно должно выступать на путь соціально-революціонной работы среди рабочихъ и крестьянъ». Пропаганда среди интеллигенціи, изученіе быта и стремленій рабочихъ и крестьянъ, а также сформированіе кадровъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ заняли первые три года по возвращеніи Брешко-Брешковской изъ Сибири».

«Одновременно и въ униссонъ съ этой дѣятельностью революціонеры, жившіе заграницей, возобновили, независимо отъ работавшихъ въ Россіи, пропаганду идей 70-хъ годовъ, примѣняя ее къ спросамъ новѣйшей исторіи русскаго народа», причемъ, по свидѣтельству Брешко-Брешковской, какъ результатъ общихъ усилій тѣхъ и другихъ, было то, что «въ то время, какъ заграницей образовалась (въ 1899 году) «Аграрно-Соціалистическая Лига», въ Россіи было положено начало первой крестьянской газетѣ, вышедшей въ Саратовѣ подъ названіемъ «Крестьянское Дѣло».

По сообщенію Департамента Полиціи, Чайковскій являлся однимъ изъ организатововъ «Лиги Аграрнаго Соціализма», а Брешко-Брешковская входила въ составъ комитета названнаго сообщества.

Не ограничиваясь распространеніемъ соціально-революціонныхъ идей, Брешко-Брешковская въ то же время занялась пропагандой «террора». «Намъ пришлось — пишетъ она — употребить цѣлыхъ три года по возвращеніи нашемъ изъ Сибири, на разговоры и споры, на возстановленіе давно доказанныхъ исторіей истинъ, прежде чѣмъ возможно было сказать: пока не возьмете въ руки оружія, васъ будутъ бить и душить. Лишь на четвертый годъ по возвращеніи нашемъ, мы могли громко произнести слово «терроръ», и то рискуя быть побитыми камнями девятью десятыми изъ нашихъ слушателей... Слово «терроръ» было все еще синонимомъ «преступнаго абсурда», когда, наконецъ, наглое обращеніе правительства со стачечниками и пропагандистами, мало по малу, стало убѣждать послѣднихъ въ неизбѣжности не только экономической, но и политической борьбы въ Россіи. И вотъ почему, уже въ 1899 году, запретное слово было не только произнесено, но и цѣлая брошюрка была выпущена группой молодыхъ послѣдователей активной борьбы, признавшей наряду съ экономической борьбой необходимость активной, вооруженной, террористической борьбы съ самодержавіемъ.

Послѣ этого «особое» вниманіе Брешко-Брешковской было обращено уже «на выработку твердой воли и не менѣе твердаго сознанія долга передъ народомъ своимъ у каждаго человѣка, берущаго на себя званіе борца за права народа своего», такъ какъ она находила, что «терроръ долженъ былъ быть поставленъ такъ, чтобы стать серьезнымъ и грознымъ оружіемъ въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ правительствомъ въ мірѣ, и при томъ не только устрашающимъ и дезорганизаціоннымъ средствомъ борьбы, но и примѣромъ великой революціонно-гражданской доблести».

Ведя революціонную пропаганду и развивая партійную дѣятельность, Брешко-Брешковская въ Россіи проживала нелегально и переѣзжала изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, тщательно стараясь избѣжать вторичнаго ареста.

Въ началѣ 1902 года, когда Фома Качура, впослѣдствіи государственный преступникъ, покушавшійся на убійство Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго, желалъ вступить въ сношенія съ представителями партіи соціалистовъ-революціонеровъ, то былъ направленъ для свиданія съ «бабушкой» (Брешко-Брешковской) и Гершуни въ Кіевъ, гдѣ онъ ни того ни другого не засталъ, такъ какъ они переѣхали за нѣсколько дней до его прибытія въ Нѣжинъ. Деньги на дорогу изъ Екатеринослава, гдѣ жилъ Качура, въ Кіевъ были переданы

...ралось вопросовъ, подобныхъ вопросу о министеріализмѣ, вызвавшему такіе горячіе дебаты въ Амстердамѣ.

...нъ. Онъ единогласно напомнилъ товарищамъ чехамъ ихъ соціалистическій долгъ и предостерегъ ихъ отъ